

Константин Изварин

DE PROFUNDIS

Константин Изварин

De profundis

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Изварин К.

De profundis / К. Изварин — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Имя Константина Изварина пока не слишком знакомо читателям, любителям мистики и хоррора. Но это временное явление. Потому что это действительно Мастер, однажды куда-то заглянувший и что-то увидевший. И поверьте, то, что ему открылось – это по-настоящему страшно. Не ожидайте здесь каких-то луж акриловой крови и накладных хэллоуинских клыков из пластмассы. Нет, в произведении Изварина всё обыденно и вполне мирно. На первый взгляд. А вот что будет дальше – читайте сами. Только не говорите потом, что вас никто не предупреждал. De profundis, кстати, в переводе с латыни «из глубин». Начало покаянного 129 псалма, что читается как отходная молитва над умирающим...

© Изварин К.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Константин Изварин

De profundis

Жрать тогда хотелось – просто ужас. Вытаскивая из раскисшей грязи тяжеленные, резиновые, с подвернутыми голенищами сапоги, хотелось взвыть как некогда Василий Алибабаевич «...а в тюрьме сейчас ужи-ин... макароны...». До макарон было четыре километра по такой вот... дороге. Под проливным дождем, подло льющимся с июльского неба прямо на троих студентов в стройотрядовских куртках.

– Кому это, интересно, взбрело в голову так строить? – отплеываясь, ибо дождь ухитрился попадать не только за шиворот, спросил я.

Ответа я не дождался. Да, впрочем, не очень и ожидал. Но, в самом деле, растянуть деревню из двадцати дворов на десяток километров ровной как стол степи... надо иметь немалый талант. Ничуть не меньший чем нам, так и не дождавшимся машины и бредшим в поисках цивилизации и столовой под дождем.

Откуда-то, чуть ли не из центра дождя, как мне тогда показалось, вырос внезапно облезший домик с покосившейся вывеской «МАГАЗИН». Не сговариваясь, мы перешли на бег. Если даже этот очаг цивилизации и не работает по случаю дождя и запоя продавщицы, то на крыльце можно будет переждать дождь.

Работал! Работал, слава богу, хоть и наслал он на нас всю эту непогоду. Оставляя на ступеньках пудовые комья грязи, мы взобрались на крыльцо, прикрытое, как в этих краях заведено, навесом, разулись и, оставляя на окрашенных некогда половицах мокрые следы, вошли.

Кто никогда не был в крохотных магазинчиках, как прыщ на ровном месте торчащих посреди степи, не видел разложенную на прилавке вперемежку с неизвестно как сюда попавшими чулками в сеточку ржавую селедку, тот, наверное, и не застал веселого времени с километровыми очередями за заветной бутылочкой. Впрочем, никого из нас бутылочки не интересовали. И сейчас не интересуют. Хотелось нам есть. Очень хотелось. Потому что ели мы в последний раз еще до рассвета. Вместе с полеводами. А обед по дождю и бездорожью нам доставлять никто не собирался.

Поэтому, пошарив по карманам, коих кто-то щедрый нашил на стройотрядовскую куртку аж в количестве трех штук, мы сложили мокрые рубли в раскисшую трешку и подступили к прилавку.

– А? – встрепенулась продавщица, похожая на мартышку из басни Крылова. – Ничего нет. – И поправила очки, съехавшие на кончик носа.

– Вообще ничего? – переспросили мы хором, глядя на банки с консервированной морской капустой. Честное слово, готовы мы были сожрать даже этакое безобразие, вскрыв «консерву» зубами.

– Вообще, – отрезала продавщица, но, разглядев, кто перед ней стоит, она пошарила под прилавком и, достав оттуда картонный коробок, сказала: – Вот. И уберите деньги, я ж вам должна.

В коробке оказались конфеты. Немножко, совсем чуть-чуть. Мы уселись на крыльце и, глядя на лопающиеся в лужах пузыри, медленно жевали вязкую сладость.

А продавщица и вправду была у нас в долгу. Мы втроем когда-то загрузили ей машину. Теми самыми бутылочками, пустыми, правда.

В правом нижнем углу экрана девятка сменилась на ноль. Сгинул, ушел в небытие еще один рабочий день – тягучий и тоскливый как ожидание под кабинетом стоматолога. Обматывая шею шарфом, который обязала меня носить жена, я поймал себя на мысли, что весь сегодняшний день вспоминал события двадцатилетней давности – того далекого стройотря-

довского лета. Как же называлась деревня, в которую судьба, приняв облик замдиректора по производственной практике, забросила троих студентов второкурсников? Семеновка? Или Степановка? Да так ли это сейчас важно?

За окном поливает брусчатку весенний дождь, чьи-то каблучки с веселым стуком выбивают быструю дробь. Спешит их хозяйка, торопится, прикрываясь от дождя цветастым зонтиком. А я ненавижу зонтики. Терпеть не могу. Заперев дверь любимого кабинета, я выхожу на улицу. Дождь обрадованно лупит по обтянутой турецкой кожей спине, мокрой ладонью влезает за пазуху. Я иду, стараясь по возможности не попадать в лужи, вдыхаю сочный аромат мокрой земли, проклевывающейся зелени, первых дождевых червей.

– Слышь, студент?

Я сидел на бетонном заборе силосной ямы, болтал ногами и глядел, как внизу топчется, уминает будущий коровий корм, чадящий трактор.

– Чего? – Я повернул голову. Прямо по забору, осторожно ставя ноги в тяжелых резиновых сапогах, шел ко мне Коля по прозвищу Танкист – такой же командировочный, как и я. Сам я от сапог избавился и щеголял среди ужасов колхозной фермы в тряпочных Адидасах из Сан-Макеевки. Но то я, а Танкиста посадили на трактор, где в таких вот говнодавах нажимать на педали куда безопаснее.

Был Танкист ростом невысок, телосложением хрупок, но весел и общителен. Людей такого склада именуют душа компании.

– Дело есть, – объявил Танкист, усевшись рядом. – Ты выпить хочешь?

– Нет, – ответил просто.

В глазах Танкиста плеснулось удивление. Видимо он ожидал чего угодно, но только не такого вот резкого «нет». Не мог человек представить, что в горбачевской стране совершеннолетний человек может не хотеть выпить.

А объяснялось мое нехотение просто. Все в детстве любят разглядывать картинки в журналах. А я, как ребенок развитый, эти журналы еще и читал. Вот и вычитал где-то, что по статистическим данным из сотни выпускников средней школы лишь один не пробовал спиртного. О том, что такое «статистические данные» я не имею понятия и сейчас – сдал два экзамена и восемь лет прозанимавшись именно статистикой. Что уж говорить о счастливом детстве. Но слова «один из сотни» мне в душу запали. Почему-то захотелось мне, чтобы этим единственным оказался именно я. И я оказался. А в году восемьдесят пятом от начала двадцатого века всей алкогольной промышленности сделал наглый «кирдык» ставропольский комбайнер с родимым пятном. А постигать культуру питания на примере самогона и его производных я как-то не хотел. Говорят, что после обнародования этого закона, напротив Елисеевского гастронома в Москве кто-то честный написал аршинными буквами: «Ставропольцы! Заберите своего комбайнера обратно!». Ну а пока ставропольцы не торопились выполнять эту просьбу, комбайнер объявил, что пить теперь можно только тем, кому уже исполнилось двадцать один. Я с ним согласился. Потому как до сих пор ни разу не пробовал. А вот подружки наши, которые в семнадцать замуж выскочили, а в восемнадцать стали мамами, недоумевали. А и правда, почему это так: рожать уже можно, а пить еще нельзя?

– Что... – запинаясь, поинтересовался Танкист, – правда, не хочешь?

– Правда, – ответил я. Трактор под нами взревел и выпустил клуб черного и вонючего дыма.

– Студент?! – крикнул снизу зоотехник – редкая сволочь – тощий, наглый, подлый, именуемый в народе Кефир Таллинский Нежирный. – Какого... ты там загораешь?! Сейчас КамАЗы с того берега пойдут!

– Сейчас, – отмахнулся я. По идее следовало бы послать Кефира, но я ведь не просто студент, я еще и интеллигент. А интеллигенты, как известно, матом не ругаются.

Зоотехник, которого в том же народе именовали еще и малопонятным прозвищем Лохастый, заткнулся. А что он мог сказать, если я головы на две его выше. И в некоторые здешние помещения протиснуться могу исключительно боком.

– Ну дык... это... Студент, – Танкист похлопал по карманам промасленного комбинезона, нашарил пачку термоядерной Примы. – Там... это... – Он чиркнул спичкой, затянулся. – Бабка там... перекинулась... – Из рта вместе со словами выходил дым.

– Ну? – подбодрил я его.

– Яму копать сможешь? – перешел Танкист к главному. – Три литра ставят.

– Я ж не пью.

– Ну... – он задумался. – Пожрать дадут... еще...

– Да ладно, помогу, – хлопнул я его по плечу. – Подъезжай к старой школе, нас там поселили.

– Лады, – согласился Танкист. – Сегодня в шесть.

– Идет. – Я прыгнул, по шиколотку провалившись в, пахнущий дешевым портвейном, силос.

Понятное дело, что приехал Танкист уже навеселе. А чего там, раз Студент не пьет, а три литра одному это совсем не то, что три литра на двоих. И уж, тем более, не то, что три литра на троих.

В кузове старого «ГАЗона», куда я влез, лежали лопаты и еще один командировочный водитель, гордо именовавший себя штурманом. Мы – сборная ВУЗов родного города – так его и прозвали. Был Штурман в том веселом состоянии, которое охватывает человека после местного распития чего-то многоградусного. Когда на душе легко, сердце поет и даже встречный ветер, несущий прямо в рожу пыль, грязь и всякую шелуху с поля, ласкает.

Вооружившись карандашом, Штурман разгадывал кроссворд, консультируясь, время от времени, со мной. Как он ухитрялся вписывать буквы в клеточки – тайна покрытая мраком. Ибо древнюю машину так бросало на ухабах, что относительно комфортно усесться можно было только на дне кузова, между сколоченными скамейками.

– Ты меня слушай, Студент, – говорил он. – Я жизнь повидал. – И не переводя дух, спрашивал: – Город в Винницкой области?

– Крыжополь, – отвечал я.

Штурман пошло ржал.

А мне почему-то вспоминалось, что конкурс красоты в Кривом Роге назвали «Мисс Криворожица». Интересно, как бы обозвали подобное мероприятие в Крыжополе?

Пьяный Танкист не признавал скорости меньше чем «газ до пола». Руки его при этом крутили баранку столь лихо, что я временами ощущал себя пассажиром подбитого вертолета. Штурман же, невозмутимо лежа между скамейками, продолжал разгадывать кроссворд и весьма в этом деле преуспел.

Но мастерство, как известно, не пропьешь, а всякая дорога имеет свой конец. Концом нашей дороги было кладбище. И это вовсе не значит, что Танкист все-таки заснул за рулем. Это значит, что наконец-то предстояло осуществить то, за чем мы собственно и ехали. И то, ради чего Танкист со Штурманом уже по чуть-чуть... приняли.

Кладбище на горке, за селом. Ровная как стол степь и только у каждой оградки по несколько деревьев. Тополя – только они чувствуют себя комфортно в нашем субконтинентальном климате.

– Студент?! – крикнул Танкист, выпав в дверь. – Лопаты бросай!

И пока я выбрасывал из кузова лопаты, он бережно вынес из кабины трехлитровую банку самогона. Почти полную – они со Штурманом отпили всего ничего. Но захорошело им сразу.

Спрыгнув, я лицом к лицу столкнулся с еще одним действующим лицом сегодняшнего спектакля. Сухонький, сморщенный, внешностью напоминающий печеное яблоко, местный

пенсионер с библейским именем Адам. Похоже на то, что Адам, не в пример мне, проявил свойственное старости благоразумие и пришел на кладбище пешком.

– Приехали, значить? – спросил Адам почему-то у меня.

– Приехали, – подтвердил я, глядя на него сверху вниз.

– Вот и ладненько. – Зажав свою лопату под мышкой, Адам сунул в рот помятую «приму» и чиркнул спичкой. – Ты студент, что ли? Из города?

– Студент, – согласился я.

– Как зовут? – спросил он снова, выпуская изо рта сизый дым.

– Виктор, – ответил я.

– Витькой? Хорошее имя. – И подтянув штаны, удерживаемые на талии исключительно благодаря веревке из мочала. – Ладно, Витька, пойдем.

И Адам уверенно направился, одному ему знакомыми тропками между колючих оград. Вот непонятно мне, степь – от края до края. Вроде места хватает. А покойники лежат, скучившись словно им и после смерти выделяют строго по полтора метра на... на теперь уже просто тело. Или виной сему наша привычка стоять в очереди – кучно, чтоб не дай бог, не оттерли от прилавка?

– Вот, – сказал Адам, обнаружив среди оградок относительно свободный пяточок. – Тут и будем копать. – И начертил на земле неровный прямоугольник.

– Адам? – Я прикинул, как буду поворачиваться на этом пяточке со своей косою саженью в плечах. – Тут же не развернешься. Может где посвободнее найдем?

– Витька? – Адам посмотрел на меня с ленинским прищуром. Сморщенное личико его, обросшее недельной давности щетиной, сходство только усиливало. – Тебе лет сколько?

– Семнадцать, – честно признался я. – А какое это имеет...

– А мне пять раз по семнадцать, – без зазрения совести соврал Адам. – И я лучше твоего знаю, где копать надо, а где не надо.

– Понял, Студент? – икнув, спросил Штурман, осторожно, словно по стеклу шагавший сзади. Похоже было, что они с Танкистом приложились по пути к банке. Пренебрегши стаканами. И не по разу.

– Тут ей самое место, – уже вполголоса закончил Адам. – Всем им тут самое место.

По-моему он имел в виду весь женский род. Не зря, значит, Адамом зовется. Достали его Евы за столько лет-то.

Могилу копали вдвоем с Адамом. Штурман с Танкистом, правда, тоже попытались, но после того как Танкист чуть было не рухнул прямо на меня, Адам послал его к соответствующей матери и, употребляя через слово известный неопределенный артикль, усадил обоих под дерево, где они смогли наконец-то уделить достойное внимание трехлитровке.

– А вот у нас в армии случай был, – рассказывал Танкист. – Шли мы как-то раз по автопарку, а тут кот подбегает и начинает... тереться. А один из наших, Мишка Малинин, берет этого кота и начинает им сапоги чистить. Кот орет...

Штурман весело заржал. Не знаю, может это и смешно, но я солдатского юмора не понимал. Тогда еще не понимал.

– А кот, – продолжал Танкист, – извернулся и Мишку когтями по руке р-раз. И до крови...

Моя лопата глухо обо что-то стукнула.

– Э-эх, Витька, – сокрушенно махнул рукой Адам. – Ошиблись мы с тобой чуток. Ну ничего, ничего. Авось, да и пройдет. Покойникам-то все равно, что рядом друг с другом, а? В тесноте, как говорится, да не в обиде. – И он хрипло хохотнул, словно наждаком по терке провел.

– ...А через день у Мишки желтуху обнаружили, – продолжал Танкист. – И в госпиталь увезли. Положили там в инфекционку. Прапор наш там тоже лежал, рассказывал: Лежит Мишка в дурдоме, с решетками на окнах... бешенство у него нашли, говорит...

Адам уже выбрался, а я все еще оставался на дне, подравнивая и выбрасывая наверх последние комочки рыжей глины. Чуть оступился и почувствовал как нога моя, преодолев прогнившую хрупкость гробовой доски, провалилась в соседнюю могилу.

Я неоднократно слышал от людей взрослых, умудренных опытом и битых жизнью, что бояться надо не мертвых, а живых. Но ничего не могу поделать с тем животным страхом, охватывающим меня при виде мертвецов. Вот и сейчас я почувствовал, как сжимается внутри меня все в тугий комок, как мгновенно пересохло в горле и даже как зашевелились на голове волосы. Потому что чьи-то холодные и костлявые пальцы охватили мою лодыжку, сжали так, что почувствовал боль от царапающих кожу суставов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.